

Р. Г. Буканова, З. А. Тычинских, С. Р. Муратова
**ОСОБЕННОСТИ ФРОНТИРА
 НА УРАЛЕ И В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В XVI–XVIII ВВ.***

doi: 10.30759/1728-9718-2018-4(61)-89-95

УДК 94(470.5+571.1)“15/17”

ББК 63.3(235.55+253.3)5

В статье рассматриваются сложившиеся в исторической науке подходы к концепции фронта. Авторы используют понятие «фронт» как познавательный инструмент в изучении процессов освоения Русским государством территорий Урала и Западной Сибири, выделяя его основные признаки и особенности. В статье показано, что фронт на изучаемой территории прошел 3 стадии развития: первая стадия — 1586 г. по начало XVII в., когда происходит первичная фортификационная подготовка зоны освоения (возведение фронтальных точек — первых крепостей на присоединяемой территории); вторая стадия — XVII в. — период открытых конфликтов, приведших к необходимости обозначения границ проживания заселенной русскими территории — возведения пограничных укрепленных черт; третья стадия — XVIII в. — связана со строительством укрепленных линий — Новой Закамской, Екатеринбургской, Оренбургской и Сибирских. Авторы обозначают эти стадии как «точечный», «переходный» и «линейный» фронты. Показываются особенности колонизации обозначенной территории в течение XVI–XVII вв. и их связь с процессом формирования военно-оборонительных линий в XVII–XVIII вв. Система укрепленных линий на территории Урала и Западной Сибири играла оборонительную роль, а также служила основой интеграции новых земель в Российское государство и плацдармом для распространения российского влияния в регионе.

Ключевые слова: *фронт, Урал, Западная Сибирь, крепости, фортификация, пограничные линии, русские, башкиры, сибирские татары, казахи, калмыки*

Концепция фронта, разработанная и введенная в научный оборот в конце XIX в. американским историком Ф. Дж. Тёрнером, стала популярной и широко используется в настоящее время отечественными историками, антропо-

логами, культурологами, философами. Особенно она актуализируется начиная с 1990-х гг. в исследованиях сибирских историков.¹ Их интерес к концепции фронта не случаен. Еще со времен В. О. Ключевского, говорившего об истории России как об истории колониального освоения новых территорий, проводятся параллели между колонизацией Америки и Сибири. Однако широта и всеохватность понятия «колонизация» не всегда позволяют выявить суть и особенности происшедших исторических процессов. Следует отметить и неоднозначное отношение в российской историографии к термину «колонизация», на который часто накладывался идеологический контекст. В связи с этим использование концепта «фронт» как «познавательного инструмента для изучения стран, в истории которых существенную роль играла колонизация, континентальная экспансия»,² а также в качестве метода изучения колониальных процессов и их особенностей в российских реалиях стало одним из перспективных направлений в современной исторической науке.

Буканова Роза Гафаровна — д.и.н., профессор, руководитель Научной лаборатории южноуральского городождения, Башкирский государственный университет (г. Уфа)
 E-mail: brg777.50@mail.ru

Тычинских Зайтуна Антрашировна — к.и.н., с.н.с., Тобольская комплексная научная станция УрО РАН (г. Тобольск)
 E-mail: zaituna.09@mail.ru

Муратова Светлана Раиловна — к.и.н., доцент, Тюменский государственный университет (г. Тюмень)
 E-mail: gaisulka@mail.ru

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 16-01-00476-ОГН «Фортификационные идеи и формы долговременных укреплений на пограничных линиях Урала и Западной Сибири XVIII в.» (рук. С. Р. Муратова); проект № 18-09-00313 А «Русский фронт: социально-экономическая динамика, повседневные-бытовые модели населения, образование государственной территории и мобильная граница. XVI — нач. XIX в. (по материалам южных и юго-восточных уездов Центрально-Европейского региона)» (рук. Ю. А. Мизис); в рамках государственного задания ТКНС УрО РАН (Тобольская комплексная научная станция УрО РАН) при поддержке ФАНО России, тема ФНИ № 0408-2018-0001 «Изучение культуры населения северной лесостепи и южной тайги Западной Сибири (I тыс. до н. э. — II тыс. н. э.)»

¹ См.: Соболева Т. Н., Бобров Д. С. Современная российская историография концепции фронта // Изв. Алт. гос. ун-та. 2011. № 4-1 (72). С. 190–194.

² Побережников И. В. Азиатская Россия: фронт, модернизация // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2011. Т. 13, № 4 (96). С. 192.

В трудах отечественных историков концепция фронта не только получила дальнейшее теоретическое и методологическое осмысление, но и существенно обогатилась конкретно-историческим содержанием. Так, обширность территории Российского государства, разнообразие его природно-географических и климатических характеристик, протяженность границ, полиэтничность, многоукладность хозяйственной жизни народов, в разное время вошедших в его состав, историческое и культурное своеобразие регионов — все эти признаки значительно расширили внутреннее, логическое содержание термина «фронт». Концепция фронта становится одним из немногих универсальных методов исторической науки, с помощью которого можно объяснить многие явления политического, экономического, демографического и социокультурного развития России в XVI–XVIII вв. — период формирования государственной территории и ее институционализации.

Сибирские историки одними из первых начали применять концепцию Тёрнера в сравнительном аспекте. Так, в 1996 г. в Томске была проведена международная конференция «Американский и сибирский фронт (фактор границы в американской и сибирской истории)», а в дальнейшем был опубликован ряд работ исследователей фронта.³ Тема фронта в региональном аспекте также представлена трудами ученых Новосибирска,⁴ Красноярска,⁵ Екатеринбурга.⁶ Южный фронт европейской части России успешно изучают исследователи из Воронежского, Тамбовского и Белгородского университетов.⁷ Имеются отдельные

работы по фронту Северного Кавказа,⁸ Камчатки⁹ и других территорий.

Признаки фронта, свойственные как для американской, так и для российской истории, присутствуют на Урале и в Западной Сибири. Согласно теории фронта, одним из его атрибутов является подвижность границ, когда бывшие фронтом земли теряют свою специфику и превращаются в часть основной территории государства, а фронтом становятся присоединяемые территории. На Урале продвижение фронта шло с севера на юг речными путями, по которым в дальнейшем прошел и Ермак.

В конце XVI–XVII в. в процессе колонизации сибирских территорий Москва использовала стратегию «точечного» фронта, когда на присоединяемых землях возводились города-крепости и остроги (Обской городок, Тюмень, Тобольск и др.). Занимая стратегически господствующие высоты и ключевые пункты на реках, русские крепости становились прочной военно-оборонной основой для дальнейшей колонизации края и для контроля за местным населением. В конце XVI в. происходит неуклонное последовательное закрепление новых гарнизонных точек, в первую очередь по рекам Туре, Пышме, Тоболу, Тавде, а затем по Лозьве, Пелыму, Сосьве, Таре, Кети и Оби.

В первое время власть над территорией вокруг этих «фронтных точек» оставалась нестабильной. Новые границы Московского государства не были определены. Многочисленные попытки Кучума в 1590-е гг. кардинально изменить ситуацию, нападая на скопления русских сил или осаждая крупную крепость, заканчивались поражением, так как русские гарнизоны были лучше вооружены.¹⁰

³ См.: Американские исследования в Сибири: материалы междунар. науч. конф. «Американский и сибирский фронт (фактор границы в американской и сибирской истории)». Томск, 1997. Вып. 2: Американский и сибирский фронт; Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2002. Вып. 2; 2003. Вып. 3; 2005. Вып. 4.

⁴ См.: Резун Д. Я., Шиловский М. В. Сибирь, конец XVI — начало XX века: фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск, 2005; «Новые земли» и освоение Сибири в XVII–XIX вв.: очерки истории и историографии / Ананьев Д. А. [и др.]. Новосибирск, 2006.

⁵ См.: Хромых А. С. Сибирский фронт. Встреча цивилизаций от Урала до Енисея (последняя треть XVI — первая четверть XVII века). Красноярск, 2012 и др.

⁶ См.: Побережников И. В. Фронтальная модернизация в контексте российской цивилизации // Модернизация в цивилизационном контексте: российский опыт перехода от традиционного к современному обществу. Екатеринбург, 2011. С. 47–61; Он же. Региональные варианты российской фронтальной модернизации: сравнительный подход // Региональный фактор модернизации России XVIII–XX вв. Екатеринбург, 2013. С. 18–27 и др.

⁷ См.: Мизис Ю. А., Скобелкин О. В., Папков А. И. Теория фрон-

тира и юг России в XVI — первой половине XVIII в. // Вестн. Тамб. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2015. Вып. 10 (150). С. 7–15; Мизис Ю. А., Кащенко С. Г. Проблема формирования русского фронта на юге России в XVI — первой половине XVIII в. в отечественной историографии // Вестн. Санкт-Петербург. ун-та. Сер. 2: История. 2011. № 1. С. 9–16. и др.

⁸ См.: Романова А. П., Топчиев С. М. Кавказ как вечный фронт // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2014. № 3. С. 284–291; Голованова С. А., Шнайдер В. Г. Концепция «фронта» в современной кавказоведческой литературе // Вестн. Адыг. гос. ун-та. Сер. 1: Регионоведение. 2012. Вып. 3. С. 66–74.

⁹ См.: Воробьева Т. В. История Камчатки с позиций методологии фронта // V Междунар. ист. и Свято-Инокентьевские чтения к 270-летию выхода России к берегам Америки и начала освоения Тихого океана (1741–2011): материалы. Петропавловск-Камчатский, 2012. С. 101–104.

¹⁰ См.: Матвеев А. В., Татауров С. Ф. Сибирское ханство: военно-политические аспекты истории. Казань, 2012; Тычинских З. А., Исхаков Д. М. Присоединение Сибирского ханства и начало колонизации Сибири // История и культура татар Западной Сибири. Казань, 2015. С. 253.

Для умирения возможных союзников Кучума на землях пелымского князя Аблегери-ма был построен Пелымский острог.¹¹ В 1593 г. в нижнем течении Северной Сосьвы отрядом служилых людей во главе с воеводой Никифором Траханиотовым был основан новый опорный пункт — город Березов. На следующий год во владениях князя Бардака был построен город Сургут, а в 1595 г. — Обдорский городок.

Огромное стратегическое значение в процессе освоения и удержания сибирских территорий и в борьбе с ханом Кучумом имело возведение в 1594 г. князем Андреем Елецким рядом с татарским городком Ялымом русской крепости Тары, что обозначило границы фронта на юге Западной Сибири. П. И. Небольсин по этому поводу писал: «...велено — в центре подвластных Кучуму волостей поставить новый город Тару» с целью «Кучума царя истеснить», «чтоб совершенно уничтожить вредное его для нас влияние в этих краях».¹² В дальнейшем Тара как важный стратегический пункт часто подвергалась нападениям со стороны Кучумовичей. Но постепенно военная и политическая инициатива переходила на сторону русских.

Следующий шаг был предпринят в отношении правителя «Пегой Орды» князя Вони, для окончательного покорения которого русские построили в центре владений селькупов город Нарым.

С возведением в 1604 г. в нижнем течении Томи крепости Томск, а на земле кузнецких татар Кузнецкого острога известный историк Н. И. Никитин связывает завершение первого этапа присоединения Сибири к России.¹³ Томск стал базой для освоения и обороны Среднего Приобья, а Кузнецк вплоть до начала XVIII в. оставался самым отдаленным русским городом на юге Западной Сибири, с которым связывают включение в состав Российского государства почти всех западносибирских территорий и коренное изменение политической обстановки в Зауралье.

Таким образом, обширность территории освоения и неопределенность границ привели к тому, что Московское государство было вынуждено проводить фортификационную подготовку присоединяемой территории. Данную тактику мы условно назвали «то-

чечным» фронтиром и присоединяемся к мнению известного екатеринбургского историка А. Т. Шашкова, который считал, что «фронт — это создание цепи или отдельно быстро сооружаемых и легковооруженных военных пунктов (остроги, слободы, форпосты, пасы, погосты, укрепленные деревни и заимки), которые всегда были выдвинуты в пограничные земли и отдалены от основных административно-хозяйственных центров (городов) относительно большим расстоянием. Границы сибирского фронта были весьма подвижны и не совпадали с официальными границами Русского государства в Сибири. Так, если в конце 1580-х гг. фронт начинался сразу же за городской стеной первых русских городов — Тюмени и Тары, то с каждым последующим десятилетием его рубежи стремительно двигались на восток и в глубь Азии и к 1649 г. достигли Тихого океана».¹⁴

Вторым существенным признаком фронта называют наличие постоянной военной опасности. В Сибири она существовала в течение почти двух столетий и особенно ярко проявилась в XVII–XVIII вв., в период борьбы за восстановление власти Кучумовичей (сыновей и внуков хана Кучума) и восстаний башкир. Начало XVII в. характеризуется постоянными антирусскими выступлениями местного населения бывшего Сибирского юрта, поддерживаемого другими народами. Под влиянием Кучумовичей среди нерусского населения Урала и Западной Сибири в течение почти всего XVII в. жила надежда на восстановление Сибирского ханства «как при Кучуме царе».

Фронт всегда являлся районом колонизации, и это его третий существенный признак. Осваивая новые земли, русские первопроходцы продвигались все южнее, а за ними вольные поселенцы селились вдоль рек, захватывая номинально пустующие земли. На территории проживания башкир, стремившихся сохранить вотчинное право, после падения Казани и добровольного волеизъявления самих башкир (в 1554–1557 гг.) в конце XVI в. был образован Уфимский уезд, границы которого на северо-западе проходили по левобережью Камы; на юго-востоке и юге — от верховьев Тобола, по среднему течению реки Яик и ее притока Илек до низовьев рек Большой и Малый Узень; на западе доходили до Волги. Северо-

¹¹ См.: Миллер Г. Ф. История Сибири. М., 1999. Т. 1. С. 340, 341.

¹² Небольсин П. И. Покорение Сибири. Историческое исследование. СПб., 1849. С. 116.

¹³ См.: Никитин Н. И. Освоение Сибири в XVII веке. М., 1990. С. 17.

¹⁴ Шашков А. Т. Лодейный город // Искер — столица Сибирского ханства. Казань, 2010. С. 70.

восточные территории башкир после завоевания Ермаком Сибирского ханства, по мере заселения их русскими и обрастания этих земель слободами и острогами, большей частью постепенно были включены в состав Верхотурского, Тобольского, Тюменского и Чердынского уездов.

В XVII в. активное заселение Пермского края, земель смежных с башкирами, привело к нарушениям вотчинного права башкир и стало причиной многочисленных восстаний. Вотчинники башкирских земель, ссылаясь на грамоту Ивана Грозного, хотели сохранить за собой право на земли. Московское правительство, стремясь защитить русское население, поселившееся на новых землях, строило на них укрепленные остроги, слободы, монастыри. Такая политика стала одной из причин восстаний башкир, среди которых можно отметить выступления в 1645, 1662–1664, 1681–1684, 1705–1725 гг.

В 1648 г. на землях башкир по реке Сылве по указу царя Алексея Михайловича была основана крепость Кунгур, первоначально заложенная на купленной у иренских татар земле, недалеко от места впадения Кунгурки в реку Ирень. Но уже в 1662 г. город был razорен башкирами, принявшими решение об этом походе на Курлтае. Однако в 1663 г., выбрав более удобное и безопасное место при впадении Иреня в Сылву, русские вновь построили город.

В Тюменском и Туринском уездах стратегия власти при построении слобод и заселении русскими крестьянами относительно небольших участков земли, пригодных к земледелию, вотчин служилых, захребетных и ясачных татар, позволяла сдерживать конфликтность ситуации. Но решение государственной задачи увеличения пашенных площадей и уменьшения поставок хлеба из метрополии привело к постепенному вытеснению татар с территорий своих вотчин. Ясачному населению приходилось довольствоваться теми землями, которые остались после отвода угодий слободам и острогам.¹⁵

Если в начале XVII в. русские слободы и деревни находились в окружении огромных территорий ясачных волостей, то уже к концу XVII в. «...ясачные волости попали в окруже-

ние русских слобод».¹⁶ Н. А. Томилов подтверждает, что этот процесс со стороны русских сопровождался захватом угодий.¹⁷ Хотя продажа и аренда земли у татарского населения официально были запрещены, процесс перераспределения земель между татарами и русскими продолжал развиваться. Около городов татары теряли свои угодья быстрее, чем в отдаленных местах. Татары подавали многочисленные челобитные, в которых указывали на притеснения. Часто для защиты прав на свои земли служилые татары обращались непосредственно к верховной власти. В результате в начале XVIII в. «Высочайшими грамотами от великих князей царей и государей...» было предписано «живущим в деревнях вверх и вниз по Иртышу и Тоболу рекам домами тобольским служилым татарам владеть своими землями со всеми угодиями, а русским людям никому в те их земли и во всякое угодие не вступать, и никаких обид им не чинить, а которые живут в Тобольске под горою на нижнем посаде меж русскими людьми тем жить в тех же местах по-прежнему, чтобы им от переводу лишней тягости и разорения не было».¹⁸

Таким образом, фронт Урала и Западной Сибири имел во многом общие для России черты. В то же время для него были присущи и свои особенности. Специфика «зон колонизации» на Урале и в Западной Сибири определялась ее геополитическим положением (тесная связь местной элиты с другими граничащими с Россией государствами), что проявлялось в стремлении сибирских татар и башкир к *противостоянию российской экспансии совместно с «кочевым миром»* — казахами и калмыками.

Следующая особенность заключается в *общирности «зон колонизации»* и в ее слабой заселенности. На Урале и в Западной Сибири она значительно превышала размеры метрополии. Ко времени прихода русских плотность населения Сибири в среднем была 1 человек на 40 км², а в отдельных районах на 1 человека приходилось от 3 до 300 км². Н. И. Никитин считает, что коренное население ни в XVII в., ни много позднее не могло освоить в полной мере гигантские просторы Зауралья и юга

¹⁵ См.: Самигулов Г. Х. Слободское расселение как способ отчуждения вотчинных земель ясачного населения: туринский и тюменский уезды XVII века // Вестн. Ом. ун-та. Сер. Исторические науки. 2017. № 3 (15). С. 238–248.

¹⁶ Шунков В. И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII — начале XVIII вв. М.; Л., 1946. С. 6.

¹⁷ См.: Томилов Н. А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI — первой четверти XIX вв. Томск, 1981. С. 35.

¹⁸ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 329. Оп. 13. Д. 7. Л. 1030б.

Западной Сибири. Но в то же время автор отмечает, что «огромные размеры и ничтожно малая плотность населения края еще не являлись гарантией свободного и безболезненно-го расселения русских людей среди коренных жителей Сибири».¹⁹ Вторжение с запада нарушало хозяйственный уклад аборигенного населения Урала и Западной Сибири, что вызывало недовольство и длительную борьбу.

К особенностям фронта можно отнести *восприятие метрополией «зоны колонизации» как источника обогащения*. В первое время этим источником был пушной ясак. Эта система стала неэффективной к началу XVIII в. Тогда началось системное хозяйственное освоение: шло расширение пахотных площадей, было организовано строительство горных заводов, разработка добычи железной и медной руды, золота и серебра. Правда изменения, как в свое время на это указывали сибирские областники, все же не позволили экономике Сибири превзойти темпы, набранные на американском Западе.

К особенностям фронта на территории Урала и Западной Сибири можно отнести и *стадиальность его развития*. *Первую стадию* (период с 1586 г. по начало XVII в.) определим как «точечный» фронт — время основания опорных пунктов колонизации Урала и Западной Сибири: Уфы, Тюмени, Тобольска, Тары, Томска, Сургута, Лозьвинского и Пелымского городков и др. Они обозначали зону русского присутствия на этой территории и обеспечивали покорность местного населения.

Со временем выгода активного освоения уральских и сибирских территорий, перспектива посредничества в торговле между Азией и Европой, возможности освоения богатых недр несколько изменили ситуацию и усилили процессы колонизации. Поэтому с середины XVII в. фронт переходит на *вторую стадию*, связанную с необходимостью обеспечения безопасности редким русским поселениям и ясачным народам в условиях периодически возникающей внешней угрозы — появления вдоль условных границ России многочисленных и хорошо вооруженных калмыков и казахов. Закамская черта, построенная в 1652–1655 гг. в северо-западной части Башкирии, должна была охранять освоенные дворцовые земли вдоль Камы. Восточная часть ее прошла, после подавления восстания мензелинских

башкир в 1645 г. и основания Мензелинской крепости, по башкирским землям.²⁰ Московское правительство еще не решалось идти на прямое нарушение вотчинных прав своих подданных — башкир, которые, несмотря на временные бунты, обеспечивали безопасность юго-восточных рубежей от вторжения внешних врагов. В Западной Сибири территорию компактного проживания «русского» населения требовалось оградить от зауральских башкир, казахов и калмыков. Поэтому при воеводе П. И. Годунове в междуречье Тобола и Иртыша была построена цепь укреплений. Эту стадию можно определить как переходный этап от «точечного» фронта к «линейному».

Третья стадия развития фронта охватывает весь XVIII век и связана с укреплением центральной власти и с поиском новых возможностей пополнения казны. Началось освоение богатых недр Урала, что было невозможно без интеграции местного населения в единое законодательное поле государства. Время требовало определения четких рубежей государства, для чего планомерно строились укрепленные линии на всем протяжении границ государства, в том числе на Южном Урале и юге Западной Сибири. Интеграция «зоны освоения» в состав Российского государства стала возможной благодаря основанию ключевых крепостей — Омска, Екатеринбурга и Оренбурга — и строительству оборонительных линий — Новой Закамской (1731–1736), Екатеринбургской (1736),²¹ Оренбургской (1735–1743) и Сибирских (1745–1768). Башкиры, со всех сторон изолированные от соседей укрепленными линиями, в течение XVIII в. были усмирены. Подвижность фронта в Зауралье обусловила необходимость возведения Уйской укрепленной линии (1739–1743), которая была построена для соединения системы уральских оборонительных укреплений с сибирскими. Уйская линия фактически замкнула цепь внешнего фронта.²² Данный этап можно определить как стадию «линейного» фронта. Классификация М. В. Шиловского позволяет охарактеризовать ее

¹⁹ Никитин Н. И. Указ. соч. С. 124.

²⁰ См.: Буканова Р. Г. Города-крепости на территории Башкортостана в XVI–XVII вв. Уфа, 2010. С. 150–203.

²¹ См.: Муратова С. Р. Особенности пограничной линии на Среднем Урале // Южный Урал: история, историография, источники. Уфа, 2017. С. 34–42.

²² См.: Муратова С. Р. Влияние фронта на характер формирования пограничных линий на Урале и в Западной Сибири в XVIII веке // Вопросы истории фортификации: науч. рец. альм. СПб.; М., 2017. № 6. С. 154.

как «внутрицивилизационный» фронтир. В XVIII в. была создана целая система «пограничных» укрепленных линий для ограждения уже освоенных районов от фронтирных, ставшая неким плацдармом для дальнейшего продвижения российских границ на юг.

Таким образом, фронтир Урала и Западной Сибири имел свои особенности и три стадии развития, условно названные «точечным», «переходным» и «линейным». Характер его развития обусловил стратегию строительства пограничных укрепленных линий на этой территории.

Rosa G. Bukanova

Doctor of Historical Sciences, Bashkir State University (Russia, Ufa)

E-mail: brg777.50@mail.ru

Zaytuna A. Tychinskikh

Candidate of Historical Sciences, Tobolsk complex scientific station, Ural Branch of the RAS (Russia, Tobolsk)

E-mail: zaituna.09@mail.ru

Svetlana R. Muratova

Candidate of Historical Sciences, Tyumen State University (Russia, Tyumen)

E-mail: gaisulka@mail.ru

PECULIARITYS OF FRONTIER IN URAL AND WESTERN SIBERIA
IN 16TH–18TH CENTURIES

The article considers existing in historical science approaches to the concept of the frontier as a cognitive tool in the study of the history of accession of the Russian government of the territory of the Ural and Western Siberia. The article presents that the frontier in the studied territory passed 3 stages of development: the first stage — from 1586 till the beginning of 17th century, when there is a primary fortification preparation of the development zone — the construction of frontier points — the first fortresses on the annexed territory; the second stage — 17th century is the period of open conflicts, which led to the need to mark the boundaries of the Russian — populated territory, accompanied by the construction of border fortified features; the third stage covers the entire 18th century. This stage is associated with the construction of fortified lines — New Zakamskaja, Ekaterinburgskaja, Orenburgskaja and Siberian. The authors designate these stages as “point”, “transitional” and “linear” frontier. Features of colonization of the designated territories during 16th–18th centuries and their connection with process of formation of military-defensive lines in 17th–18th centuries are shown. The system of fortified lines in the Urals and Western Siberia played both a defensive role and served as the basis for the integration of new lands into the Russian state and a springboard for the spread of Russian influence in the region.

Keywords: *frontier, Ural, Western Siberia, fortress, fortification, the border lines, Russians, Bashkirs, Siberian Tatars, Kazakhs, Kalmyks*

REFERENCES

- Amerikanskiye issledovaniya v Sibiri: materialy mezhdunar. nauch. konf. “Amerikanskiy i sibirskiy frontir (faktor granitsy v amerikanskoj i sibirskoj istorii)”* [American Studies in Siberia: materials of the Intern. scien. conf. “The American and Siberian frontier (the border factor in American and Siberian history)”]. Tomsk: Izd-vo Toms. un-ta Publ., 1997, iss. 2, 304 p. (in Russ.).
- Ananyev D. A., Komleva E. V., Raev D. Ya., Sokolovsky I. R., Tumanik E. N. *“Novyye zemli” i osvoyeniye Sibiri v XVII–XIX vv.: ocherki istorii i istoriografii* [“New lands” and the development of Siberia in the 17th–19th centuries: essays on history and historiography]. Novosibirsk: Sova Publ., 2006, 227 p. (in Russ.).
- Bukanova R. G. *Goroda-kreposti na territorii Bashkortostana v XVI–XVII vv.* [Fortified cities on the territory of Bashkortostan in the 16th–17th centuries]. Ufa: Kitap Publ., 2010, 264 p. (in Russ.).
- Frontir v istorii Sibiri i Severnoy Ameriki v XVII–XVIII vv.: obshcheye i osobennoye* [Frontier in the history of Siberia and North America in the 17th–18th centuries: the general and the particular]. Novosibirsk: II SO RAN Publ., 2003, no. 3. 128 p. (in Russ.).
- Frontir v istorii Sibiri i Severnoy Ameriki v XVII–XX vv.: obshcheye i osobennoye* [Frontier in the history of Siberia and North America in the 17th–20th centuries: the general and the particular]. Novosibirsk: II SO RAN Publ., 2002, no. 2., 94 p.; 2005, no. 4, 127 p. (in Russ.).
- Golovanova S. A., Schneider V. G. [The concept of “frontier” in the Caucasus modern literature]. *Vestnik Adygeiskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya 1: Regionovedeniye* [Bulletin of Adyge State University. Series 1: Regional studies], 2012, vol. 3, pp. 66–74. (in Russ.).

- Khromykh A. S. *Sibirskiy frontir. Vstrecha tsivilizatsiy ot Urala do Yeniseya (poslednyaya tret' XVI — pervaya chetvert' XVII veka)* [Siberian frontier. The meeting of civilizations from the Urals to the Yenisei (the last third of the 16th — the first quarter of the 17th century)]. Krasnoyarsk: KGPU Publ., 2012, 312 p. (in Russ.).
- Matveev A. V., Tataurov S. R. *Sibirskoye khanstvo: voyenno-politicheskiye aspekty istorii* [Siberian Khanate: the military-political aspects of history]. Kazan: "Fen" AN RT Publ., 2012, 260 p. (in Russ.).
- Mizis Yu. A., Kachtchenko S. G. [The Russian historiography on the problem of the Russia's south frontier formation in the 1500s–1750s]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya* [Vestnik of Saint Petersburg University. History], 2011, no. 1, pp. 9–16. (in Russ.).
- Mizis Yu. A., Skobelkin O. V., Papkov A. I. [The theory of the frontier and the south of Russia in 16th — the first half of the 18th century]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki* [Tambov University Review. Series Humanities], 2015, iss. 10 (150), pp. 7–15. (in Russ.).
- Muratova S. R. [Features of the borderline in the Middle Urals]. *Yuzhnyy Ural: istoriya, istoriografiya, istochniki* [South Urals: history, historiography, sources]. Ufa: RITS BashGU Publ., 2017, pp. 34–42. (in Russ.).
- Muratova S. R. [The impact of the frontier on the character of the formation of boundary lines in the Urals and Western Siberia in the 18th century]. *Voprosy istorii fortifikatsii* [Questions of the History of Fortification], 2017, no. 6, pp. 151–155. (in Russ.).
- Nikitin N. I. *Osvoyeniye Sibiri v XVII veke* [The development of Siberia in the 17th century]. Moscow: Prosveshcheniye Publ., 1990, 144 p. (in Russ.).
- Poberezhnikov I. V. [Asian Russia: frontier, modernization]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnyye nauki* [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts], 2011, vol. 13, no. 4 (96), pp. 191–203. (in Russ.).
- Poberezhnikov I. V. [Frontier modernization in the context of the Russian civilization]. *Modernizatsiya v tsivilizatsionnom kontekste: rossiyskiy opyt perekhoda ot traditsionnogo k sovremennomu obshchestvu* [Modernization in a civilizational context: the Russian experience of transition from the traditional to the modern society]. Ekaterinburg: IIA UrO RAN Publ., 2011, pp. 47–61. (in Russ.).
- Poberezhnikov I. V. [Regional options for the Russian frontier modernization: a comparative approach]. *Regional'nyy faktor modernizatsii Rossii XVIII–XX vv.* [Regional factor of the modernization of Russia in the 18th–20th centuries]. Ekaterinburg: "UIPTS" Publ., 2013, pp. 18–27. (in Russ.).
- Rezun D. Ya., Shilovsky M. V. *Sibir', konets XVI — nachalo XX veka: frontir v kontekste etnosotsial'nykh i etnokul'turnykh protsessov* [Siberia, the end of the 16th — the beginning of the 20th century: the frontier in the context of ethnosocial and ethnocultural processes]. Novosibirsk: Sova Publ., 2005, 193 p. (in Russ.).
- Romanova A. P., Topchiev S. M. [The Caucasus as an eternal frontier]. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kul'tura* [The Caspian region: politics, economics, culture], 2014, no. 3, pp. 284–291. (in Russ.).
- Samigulov G. Kh. [Sloboda setting as a way of the votchina land estate disposal of the yasak people: Tura and Tyimen yezds in 17th century]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Istoricheskiye nauki"* [Herald of Omsk University. Series "Historical studies"], 2017, no. 3 (15), pp. 238–248. (in Russ.).
- Shashkov A. T. [Lodeyny city]. *Isker — stolitsa Sibirskogo khanstva* [Isker — the capital of the Siberian Khanate]. Kazan: Institut istorii AN RT Publ., 2010, pp. 63–71. (in Russ.).
- Shunkov V. I. *Ocherki po istorii kolonizatsii Sibiri v XVII — nachale XVIII vv.* [Essays on the history of the colonization of Siberia in the 17th — early 18th centuries]. Moscow; Leningrad: AN SSSR Publ., 1946, 228 p. (in Russ.).
- Soboleva T. N., Bobrov D. S. [The modern Russian historiography on the frontier conception]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo un-ta* [Izvestiya of Altai State University], 2011, no. 4–1 (72), pp. 190–194. (in Russ.).
- Tomilov N. A. *Tyurkoyazychnoye naseleniye Zapadno-Sibirskoy ravniny v kontse XVI — pervoy chetverti XIX vv.* [The Turkic-speaking population of the West Siberian Plain at the end of the 16th — first quarter of the 19th centuries]. Tomsk: Tomsk. un-t Publ., 1981, 276 p. (in Russ.).
- Tychinskih Z. A., Iskhakov D. M. [Accession of the Siberian Khanate and the beginning of the colonization of Siberia]. *Istoriya i kul'tura tatar Zapadnoy Sibiri* [History and culture of the Tatars of Western Siberia]. Kazan: Institut istorii AN RT Publ., 2015, pp. 241–259. (in Russ.).
- Vorobieva T. V. [The history of Kamchatka from the standpoint of the methodology of the frontier]. *Pyatyte Mezhdunarodnyye istoricheskiye i Svyato-Innokent'yevskiy chteniya. K 270-letiyu vykhoda Rossii k beregam Ameriki i nachala osvoyeniya Tikhogo okeana (1741–2011): materialy: 19–20 okt. 2011 g.* [5th International historical and St. Innokenty readings. For the 270th anniversary of Russia's access to the shores of America and the beginning of the development of the Pacific Ocean (1741–2011): materials: October 19–20, 2011]. Petropavlovsk-Kamchatsky, 2012, pp. 101–104. (in Russ.).